

16 МАЯ 1984

«Сердце у всех одно»

— И как беспощаден к нему Актер! Актер с большой буквы. Человек высокой гражданственности. Как остро пропускает он сквозь себя беды и радости жизни, впредсвоенной в полтора часа экранного времени!

Порой он уходит слишком рано, такой Актер. Владимир Семенович Высоцкий, мой друг Олег Даль... Не выдерживает накала сердце. Но как мне хочется быть похожим на них...

С читателями «Ленинской смены» ведет разговор наш гость — лауреат премии Ленинского комсомола, заслуженный артист Украинской ССР Владимир Конкин.

— Есть предложение не говорить обо всех ваших работах на телевидении, в кино и театре. Их накопилось уже достаточно много, и можно затеряться в перечислениях, не дойти до сути. Остановимся на этапах, в чем-то особенно важных для вас ролях. Прежде всего, это...

— Конечно же, мой дебют в кино — роль Павла Корчагина. Такое остается в памяти на всю жизнь.

Закончив Саратовское театральное училище, я был распределен в Харьковский театр юного зрителя. И вот туда совершенно неожиданно приходит телеграмма: «Приглашаетесь пробы фильма «Как закалялась сталь» киностудия Довженко». Не раздумывая, собираюсь в Киев. Но через проходную студии меня не пропустил сердитый «дядя» с кобурой на боку: не оказалось моей фамилии в списках...

— Розыгрыш, — тоскливо решил я. — В 20 лет так жестоко попасть вприсаки! — На всякий случай... перемахнул через забор. Брожу по павильонам — и наткнулся на табличку с нужным названием!

— Оказывается, второй режиссер О. Филалко случайно увидел среди других мое фотоизображение на «доске отличников» театрального училища. Он решил, что подобный «типаж» внешне вполне годится на роль Лещинского.

Однако режиссер фильма И. П. Машенко через некоторое время предложил другую роль — Цветаева. И я начал было уже сниматься, как поступило новое, ошеломляющее своей неожиданностью предложение — сыграть самого Корчагина.

Как бы? Смогу ли я поднять груз такой ответственности? Ведь до меня на эту роль был утвержден и уже снимался известный, опытный актер. Но началась работа: ежедневный, порой изнурительный, труд не оставил места сомнениям.

— Это была уже третья по счету экранизация знаменитого романа Николая Островского. Чем вы для себя лично объясняете необходимость многосерийного телеварианта?

— Во взглядах на жизнь у каждого поколения есть свое, новое. Но всей советской молодежи в любое время были дороги идеалы и принципы, которыми жили, за которые боролись Павка, его товарищи, сам Островский.

Телевизионный сериал в своем кропотливом исследовании позволяет вдумчивее, глубже проникнуть в духовный мир наших героев, добраться до глубинной сути их действий и поступков.

Когда-то время требовало динамично и остро показать молодежи, КАК беззаветно и преданно отдавались делу революции корчагинцы. Мы же попытались рассказать о том, ПОЧЕМУ они не могли поступать иначе, показали не только действие, но и те истоки нравственной силы, что к подобным действиям побуждали. Весь творческий коллектив, работавший над фильмом, был одержим желанием: донести до нашего современника дыхание тех грозных лет.

Почти всю работу с нами, актерами, Машенко строил на крупном плане. Как беспощаден он, этот крупный план! Он выявляет даже самое искусное притворство, делает явной даже самую «маленькую», казалось бы, незаметную ложь... Страшнее всего было сфальшивить, утратить доверие зрителей даже в самом незначительном эпизоде.

И если мы строили узкоколейную дорогу, то строили ее всерьез, без игры «в поддавки». Был март. Острый, как

бритва, наст в первом же дубле рассекал веревки, стягивающие сооруженную из тряпья обувь. Шинель у Павки, как вы помните, украли дезертиры. Два «ветродуя» — бескрылые АН-2 — гнали вместе со снегом быюшню наотмашь, до крови, сосульки. Волосы у ребят в считанные минуты превращались в сплошную ледяной ком. Тех, кому приходилось совсем уж несладко, отогревали в специально дежурившей карете «скорой помощи»... Это было не только актерская школа, но и школа жизненная. Суровое испытание на прочность наших комсомольских характеров — ведь молодежь составляла почти 90 процентов коллектива...

— Что было самым сложным для вас в роли Корчагина? В какой именно момент вы наконец почувствовали, что вжились в образ, стали неотделимым от него?

— Самым трудным для меня как актера оказался монолог Павки Корчагина, известный сейчас каждому школьнику: «Самое дорогое у человека — это жизнь...»

Такие слова надо суметь прочувствовать сердцем.

Зная каждое слово, я не мог постичь главного: как должен был произносить их Павка.

В ночь перед съемкой этого эпизода я заснул так и не сумел. Растерянный и опустошенный, брел ранним утром по еще не проснувшейся Щепетовке к клубу, где помещалась наша гримерная. И вдруг замер. На площади, у братских могил наших воинов, погибших в битве за городок, скорбно стояла старушка с единственным цветком в руке. Было очень тихо. Старая мать перекрестила молча каждое из пяти надгробий, опустила цветок у бронзового солдата, застывшего на пьедестале...

Это было потрясение, пронзительное и острое, охватившее меня так жаростно и сильно, что я готов был бежать к кладбищу, где все уже было готово к съемке.

«Видимо, и у нее был когда-то сын, — думал я. — И у него, моего ровесника, ровесника Павки, была всего одна жизнь. Он не имел права прожить ее бесцельно. Он прожил ее коротко и ярко, заслонив грудью Родину...»

У могилы Гришутки уже стояли люди в черном — собравшиеся по нашей просьбе жители Щепетовки. Выстроились солдаты в буденовках. Всего этого я уже не видел: перед глазами плыл какой-то туман. Казалось, я навсегда расстаюсь с чем-то очень дорогим для меня, провозжаю в последний путь самого близкого мне человека. Вспомнился жестокий час, когда решалось, жить ли моим мальчишкам-близнецам: Ярославу и Святославу — столь тяжела была болезнь... Я не помню, как я начал говорить, когда кончил...

Скупой на похвалу Машенко коснулся плеча: хорошо, Володя. Давай-ка еще разок, для страховки...

Но тут я упал как подкошенный. Три дня после этого играть я был не в силах...

— Вместе с фильмом «Как закалялась сталь» вы побывали в десятках стран мира. Видимо, не раз приходилось наблюдать, какой убеждающей силой обладает образ Павки, как он волнует наших зарубежных сверстников?

— Поздним летом 1973 года я был в числе тех, кто представлял делегацию ЦК ВЛКСМ в Чили. Кроме фильма, мы привезли в подарок чилийской молодежи советские тракторы. Мы, конечно, не знали тогда и не могли знать, что случится через несколько дней...

Я наблюдал за лицами чилийских парней и девочек и ощущал, как близко и понятно им то, что мы пытались донести с экрана. Это был их Павка Корчагин, их герой.

В те предгрозовые дни я получил от молодых рабочих Чили незабываемый подарок: крохотную, склеенную из папиросных листочков книжечку. Это был рукописный перевод на испанский язык книги Николая Островского, сделанного не известным мне героем в подполье, еще до прихода к власти Народного единства... Сегодня эту реликвию можно увидеть в музее ЦК ВЛКСМ.

— Одной из наиболее значительных ваших работ, последовавшей за филь-

мом «Как закалялась сталь», была роль инспектора уголовного розыска Шарапова в телефильме «Место встречи изменить нельзя». Фильм, несомненно, интереснейший, вызвавший множество суждений. И среди них то, что ваш Шарапов — герой идеализированный, «розовый».

— Перескажу вам мнение министра внутренних дел страны Н. А. Щелокова, высказанное им во время вручения съемочной группе наград министерства. «Очень достоверно, — сказал он, — показана борьба двух школ, двух формаций в уголовном розыске, в советской милиции вообще. Жеглов обаятелен в своей беспощадной напористой силе. Но он — человек вчерашнего дня. И не случайно, что на смену Жеглову приходит именно Шарапов, сотрудник, душевные и нравственные качества которого повторены теперь в тысячах представителей органов внутренних дел».

Поверить в Шарапова, полюбить его беззаветно помогли сами сотрудники уголовного розыска, сотрудники знаменитого МУРа, с которыми по ходу работы приходилось беседовать множество раз.

Особые и очень дорогие для меня воспоминания я храню о Владимире Высоцком, с которым встретился впервые в Париже, в 1978 году. Я приехал туда в составе творческой группы, снявшей кинофильм «Кавказская повесть», посвященный 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого.

Высоцкий пел в «Олимпии» — знаменитом концертном зале, доступном для исполнителей только самого высокого класса. Он пел песни глубоко национальные, очень русские, но переполненный зал понимал, казалось, каждое слово.

По-настоящему тесное знакомство завязалось уже во время съемок телефильма «Место встречи изменить нельзя». По сценарию Шарапов очень много учится у Жеглова. В жизни происходило то же самое. Нельзя было не поражаться фантастической трудоспособности Владимира Семеновича. Он до тошноты выпрашивал у знатоков, у старых опытных сыщиков все подробности их работы, стремился на практике освоить мельчайшие детали их службы и быта. Он обладал талантом выделения из множества составных самого главного, наиболее характерного и яркого для образа, оставаясь при этом не похожим ни на кого Владимиром Высоцким. Оттого так достоверен его Жеглов, и нередко ветераны уголовного розыска «узнают» в нем живые черты своих товарищей по нелегкому и почетному делу.

Кажется, очередной дубль прошел «без сучка и задоринки», но... «Нет, — устало вздыхает Высоцкий, — здесь Жеглов должен говорить немного иначе. У него обязательно есть свое любимое, простое, но очень идущее к нему слово. К примеру... «значца».

И это «значца», так, Шарапов» монотонно вливается в образ, и долго еще напористый с хрипотцой голос звучит в ушах... А Высоцкий продолжал искать и пробаывать, порой начиная заново, не щадя ни себя, ни партнеров.

И почти никто не знал тогда, что уже перенесен в 37 лет тяжкий инфаркт. И тем более не знали и не могли знать, что до второго, рокового, остаются считанные месяцы... Знал об этом один Высоцкий. Знал, что необходимо беречь себя: так настоятельно требовали врачи. Но работать вполнакала в искусстве он не умел, да и не смог бы.

— Последний вопрос, Владимир: над чем вы работаете сегодня?

— Пожалуй, над самой ответственной и сложной в моей актерской биографии ролью. В 1979 году главный режиссер театра имени Ермоловой В. Андреев пригласил меня в Москву для работы в его коллективе. В спектакле Д. Валеева «Казанский университет» мне доверено воплощение совершенно нового для советской драматургии образа — восемнадцатилетнего студента Володи Ульянова.

— От имени читателей «Ленинской смены» желаю вам новых творческих успехов.

— Большое спасибо!

Беседу вел
С. ЗОЛОВКИН,
наш соб. корр.

Караганде...